

Т. В. Горбушина

ИСТОРИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ НА УРАЛЕ

Обзор современной региональной историографии

В последнее десятилетие XX в. российские исследователи активно изучают историю политических репрессий, которые стали неотъемлемым элементом тоталитарной системы в СССР. Возросшее внимание к данной проблеме было обусловлено изменениями в политической системе страны, начавшимися с периода перестройки, и возможностью использования ранее недоступных архивных документов.

Обращение к изучению сюжетов на уровне микроистории позволяет по-новому представить историю репрессий в целом. Невозможно создать полную и объективную историю ГУЛАГа без исследования отдельных его частей, отдельных судеб. Проводимые исследования во многом зависят от доступа к архивным документам, позволяющим дать объективную оценку столь противоречивых событий советской истории. В исторической науке разрабатываются правовые аспекты карательной политики в СССР и лагерной системы, появления лагерей и их дальнейшей деятельности.

В данной статье дан обзор трудов, освещающих историю исправительно-трудовых лагерей на Урале в 1930—1960-е гг. Верхняя граница обусловлена созданием ГУЛАГ ОГПУ, а затем НКВД СССР, вобравшего в себя все лагеря страны, превратившегося в значимый хозяйственный субъект государства. Нижняя граница связана с датой, когда ГУЛАГ как целостная система прекратил свое существование.

Тема исправительно-трудовых лагерей привлекла широкое внимание уральских исследователей. Появление большого количества публикаций в 1990-е гг. связано с рядом причин. Во-первых, начало 90-х гг. — это время гласности и кардинальных реформ, затронувших все стороны общественной жизни, в том числе и историческую науку. Во-вторых, это время, когда начинается массовое рассекречивание архивных документов, свидетельствующих о репрессивной политике Советского государства. Для исследователей были открыты новые документальные источники. В 1990-е гг. происходит полная реабилитация жертв политических

репрессии. Именно в этих условиях начинается активное изучение заявленной темы. В историографии постсоветского периода можно выделить два этапа.

Первый период — первая половина 1990-х гг., когда происходит период первоначального оформления проблематики, связанной с первичным накоплением и систематизацией фактографического материала. Это этап, связанный с появлением небольшого количества работ, в которых идет постановка проблем, основанная на привлечении пока неширокого круга источников. Это исследования А. Б. Суслова («Навязывание социалистического отношения к труду в ГУЛАГе в сороковых годах»), В. М. Кириллова («Тагиллаг — лагеря смерти (1941—1953 гг.)») и «Массовые репрессии в 1930-х гг. в Нижнем Тагиле», В. Г. Киселева («Влияние на личность условий труда и режима в Пермских исправительно-трудовых лагерях в 40—50-х гг.»), Л. А. Обухова («Из истории Широковлага в годы Отечественной войны»).

Второй период — середина 1990-х гг. — 2005 г., когда существенно расширяется круг изучаемых тем, привлекаемых источников. Время появления монографических трудов, обобщающих накопленные ранее материалы и позволяющих воспроизвести достаточно полную картину истории формирования и развития лагерной системы на Урале.

Так как история исправительно-трудовых лагерей на Урале исследуется сравнительно недавно, то фундаментальных работ, охватывающих весь регион, нет. Отсутствуют также историографические труды. В статье В. М. Кириллова, где анализируются труды по истории репрессий на Урале¹, изучению ИТЛ посвящена всего одна страница.

Все работы по истории лагерной системы можно подразделить на две группы. К первой относятся общие работы по истории репрессий в период существования ГУЛАГа, в которых есть упоминание об Урале. Эти труды характеризуются широким охватом проблем и опорой на рассекреченные архивные материалы. В. Н. Земсков в ряде статей, а затем в обобщающей монографии, исследовал статистику заключенных ГУЛАГа, почерпнутую в центральных архивах². В изучении и понимании нормативной базы карательной политики нельзя не отметить значения монографии Ю. И. Стецовского³. Книга основана как на критическом анализе материалов карательных органов и нормативных актов об их деятельности, так и на использовании значительного числа рассекреченных документов, в том числе не опубликованных ранее. В монографии А. С. Смыкалина проводится ретроспективный анализ системы исправительно-трудовых учреждений страны с 1917 г. до начала 1960-х гг. В работе выделяются и анализируются этапы развития пенитенциарной системы в СССР; исследованы почти все формы вовлечения граждан в си-

стему принудительного труда, имевшие место в СССР на протяжении четырех десятилетий⁴.

Ко второй, более многочисленной, группе отнесены труды, в которых исследователи затрагивают преимущественно региональную специфику лагерной системы. Сюда можно отнести исследования А. Б. Суслова, Г. Я. Маламуда, В. М. Кириллова, Л. А. Обухова, С. Шевырина, В. Г. Киселева, В. Г. Светлакова, М. Г. Суслова, В. С. Терехова, В. А. Шмырова, В. Шабалина.

Отдельные исследователи затрагивают в своих трудах определенные аспекты темы ГУЛАГа. Другие, напротив, охватывают широкий круг вопросов, стремясь всесторонне изучить картину уральских «островов ГУЛАГа».

Среди региональных изданий особое место занимает монография А. Б. Суслова, в которой автор обращает пристальное внимание на проблему принудительного труда, определяет его эффективность, рассматривает структуру лагерей в Молотовской области, численный состав, хозяйственную деятельность и быт заключенных, ставит перед собой вопрос, кто были жертвы политических репрессий⁵.

Тему исправительно-трудовых лагерей активно изучает Г. Я. Маламуд, который подробно анализирует структуру лагерей, дислоцировавшихся в Уральском регионе, разбирает эффективность использования принудительного труда⁶. Им предпринята попытка составления карты ГУЛАГа на Урале, однако представленные им данные не дают полного представления о численности лагерей. Недостаток этой карты заключается в том, что не охватывает период 30-х гг., а, следовательно, многие ИТЛ и ИТК остались за периметром карты. Рассмотрев карту размещения лагерей, можно прийти к выводу, что многие лагеря еще не исследованы. Другая попытка создания карты размещения лагерей принадлежит А. Б. Суслову, но она ограничена территорией Молотовской области и составлена на март 1952 г.⁷

Истории ГУЛАГа в годы Великой Отечественной войны на территории Пермской области посвящены материалы С. Шевырина⁸, который рассматривает структуру лагерей, их численный состав и хозяйственную деятельность. Проблемы развития ИТЛ, их хозяйственной деятельности и эффективности труда раскрываются в тезисах В. Г. Киселева⁹. В. Г. Светлаков совместно с А. Б. Сусловым ищет причины репрессий в 20–30-е гг.¹⁰ Причем М. Г. Суслов считает, что главная причина репрессий – наличие оппозиции, дает ей характеристику и выделяет ее виды¹¹.

Выделяется ряд публикаций, посвященных изучению репрессий против отдельных групп населения. В частности, в материалах В. С. Терехова затрагивается проблема репрессий против инженерно-

технической интеллигенции в годы «большого террора»¹². В. Шабалин анализирует репрессии, проводимые в 1937 г. в период «великой чистки»¹³.

Истории формирования и функционирования отдельных лагерей посвящены труды В. М. Кириллова¹⁴, который описывает становление Тагиллага, состав его заключенных, дает подробную характеристику лаготделений, хозяйственной деятельности и быта. История Широковлага разрабатывается Л. А. Обуховым, причем автор ставит перед собой цель рассмотреть внутреннюю жизнь лагеря¹⁵. Истории Вишерского лагеря посвящена статья В. А. Шмыров¹⁶, где раскрыты становление лагеря особого назначения, условия содержания заключенных, их быт и деятельность.

Список трудов достаточно обширен, тем не менее следует признать, что проблема до сих пор исследована недостаточно. Как правило, историками и краеведами рассматривались или отдельные аспекты жизни и деятельности спецконтингента, или его какая-либо группа. Хронологические рамки исследования ограничивались обычно периодом сталинского правления. В некоторых работах отсутствует конкретика.

Для систематизации историографических источников продуктивнее всего использовать предметно-тематический принцип, позволяющий оценить круг исследованных проблем и уровень их изученности.

Наиболее представительной является группа трудов, посвященных истории лагерных систем на Урале. Появление различных категорий заключенных на Урале не случайно, оно было обусловлено рядом причин. Во-первых, это удаленность от центра страны, позволяющая в полной мере реализовать концепцию изоляции опасных, с точки зрения режима, элементов. Во-вторых, богатейшие запасы лесных ресурсов необходимых для экономического развития как соседних регионов, так и государства в целом, но требующие большого количества рабочих рук с минимальными затратами финансовых средств. В-третьих, наличие достаточного количества неосвоенных земель, пригодных для сельхозработ. Именно эти факторы повлияли на формирование сети исправительно-трудовых учреждений и колоний в Уральском регионе. Однако данная система на протяжении изучаемого периода постоянно видоизменялась в зависимости от экономических и политических потребностей государства.

Одним из первых лагерей промышленного ГУЛАГа стал Вишерлаг. В 1930 году его население составляло около 20 тыс. человек, в 1934 г. лагерь расформировали. Его подробную характеристику можно встретить в статье В. А. Шмырова, свою исследовательскую работу он начал вслед за В. Т. Шаламовым¹⁷, который был непосредственным участником этой великой стройки¹⁸. Автор подробно, используя архивный материал, останавливается на причинах организации лагеря именно в Молотовской области, условиях содержания заключенных. Виктор Александрович обра-

щает свое внимание на эволюцию лагерной системы, приводя нормативные акты. В 1930-е гг. лагеря особого назначения ОГПУ были переименованы в исправительно-трудовые лагеря. Менялось не только название. Менялась лагерная концепция. Лагерь должен был превратить «плохих» хозяев в «хороших»¹⁹.

Исправительно-трудовые лагеря нашли отражение также в работе В. Г. Киселева. Автор отмечает, что если в конце 20-х гг. система лагерей ОГПУ выполняла в первую очередь карательные функции, служила местом изоляции «классово-чуждых элементов», то к концу 30-х гг. она превратилась в гигантский промышленно-строительный наркомат. По замыслу создателей система ГУЛАГа должна была закрыть пробелы и провалы в экономике социалистического строительства принудительным трудом, т. к. материальные и моральные стимулы не работали²⁰.

Уже к середине 1930 г., как замечает Г. Я. Маламуд, ОГПУ создало разветвленную сеть исправительно-трудовых лагерей²¹. Маламуд приходит к выводу, что Ивдельлаг и Севураллаг стали государствами в государстве, они имели в своем распоряжении не только конный и автомобильный парки, но и самолеты, катера, пароходы, паровозы и мотовозы. В их рамках было создано около 160 лагерных подразделений, десятки из которых впоследствии превратились в самостоятельные лагеря²². В Молотовской области к началу 1940-х гг. были следующие лагеря и колонии ГУЛАГа: Усольский ИТЛ, ПромИТК № 1, ИТК № 4, ИТК № 5, ИТК № 3, ИТК № 6²³.

Характеристику сети ИТЛ, ИТК в военные годы на Урале можно проследить по материалам публикации челябинского исследователя Г. Я. Маламуда²⁴. Он дает достаточно полную характеристику ИТЛ, основанную на архивных данных. Особый интерес представляет анализ структуры лагерей, их хозяйственной деятельности и численности.

Следует выделить в рамках изучаемой темы один из наиболее дискуссионных вопросов — проблему подсчета количества заключенных. В уральской историографии дается достаточно подробный анализ числа заключенных ИТЛ. Причем все исследования основываются на архивных материалах ГОПАПО, ГАРФа, ГАСО, ГАПО и других региональных архивов. Однако подсчет количества заключенных в рамках того или иного региона — задача чрезвычайно сложная и с точки зрения поиска фактического материала, и с точки зрения подбора соответствующих методик. Весьма основательно к этому вопросу подходит А. Б. Суслов, который рассматривает все категории заключенных²⁵.

Другие исследователи высказывают сомнения, стоит ли включать в число пострадавших от репрессий не только местных уроженцев, но и тех, кто отбывал здесь наказание или выселенных из других регионов, не приведет ли это к искусственному приумножению числа репрессирован-

ных по стране? Возникает вопрос о включении в рассматриваемую категорию лиц, осужденных не по политическим статьям. Представляется, что неправильно исключать тех, кто страдал на нашей земле, из этого числа. Другое дело, что подсчеты необходимо вести отдельно, четко разделяя репрессированных в Прикамье и прибывших из других краев.

Необходимо также обратить внимание на то, что не обойтись без уточнений и при рассмотрении вопроса об узниках проверочно-фильтрационных лагерей. С точки зрения государственной безопасности проверка побывавших в плену военнослужащих была, конечно, оправданной. Однако было ли целесообразным долговременное их пребывание в унижительных условиях, принуждение к труду, фактическое уравнивание с уголовниками? И нет никакого сомнения, что оставленные еще на несколько месяцев в ПФЛ после прохождения фильтрации (т. е. признанные незамеченными в преступлениях и связях с зарубежными разведками) чисто по экономическим мотивам должны рассматриваться как пострадавшие по политическим мотивам.

Как отмечает А. Б. Суслов, количественные данные, имеющиеся в нашем распоряжении на сегодняшний день, еще недостаточны для того, чтобы представить точные расчеты числа репрессированных в области. Он полагает, что количество арестованных по политическим мотивам и реабилитированных превышает 30 тысяч человек. Об этом можно судить на основе общего количества дел и учетных карточек, хранящихся в Государственном архиве Пермской области по делам политических репрессий²⁶. В 1929—1953 гг. эта цифра колебалась от 18 до 56 % и в среднем превышала треть от общего числа всех осужденных. Другая точка зрения принадлежит В. Г. Киселеву, который считает, что доля политзаключенных составляло 70% контингента²⁷.

Дискуссионной остается проблема динамики численности лагерей. В первой половине 1930-х гг., как отмечает Г. Я. Маламуд, в стране продолжался рост численности лагерей и содержащихся в них заключенных. В 1932 г. в СССР насчитывалось 11 исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа, в 1933 г. — 14, в 1935 г. — 15. Численность заключенных в 1930 г. составила 179 тыс. человек, а в 1931 г. — 212 тыс., в 1932 г. — 268 700, в 1933 г. — 334 300, в 1934 г. — 510 300 (на 1 января каждого года)²⁸. По другому думает А. Б. Суслов, который приходит к выводу, что концентрация заключенных в Пермском крае до конца 30-х гг. оставалась сравнительно невысокой. До образования Усольлага в 1938 г. здесь действовало только 5 колоний, в которых содержалось около 5 тыс. заключенных²⁹. Изучив огромное количество архивных материалов, исследователь приходит к выводу, что количество заключенных в колониях и других местах заключения Пермской области можно оценить цифрой, не превышающей 5 тысяч человек. Даже после значительного увеличения

этого контингента на 1 июля 1931 г. в местах заключения, подведомственных Наркомюсту, находилось 5 376 заключенных³⁰.

Безусловно важным и интересным направлением исторических исследований остается изучение социального портрета репрессированных. В частности, А. Б. Суловым приведена развернутая социально-демографическая характеристика арестованных по политическим мотивам. Он считает, что подавляющее большинство этой категории подследственных — мужчины (93 %), которые были арестованы в трудоспособном возрасте. Среди подследственных на территории Урала насчитывается более чем 30 национальностей, однако $\frac{2}{3}$ были русскими (66 %), украинцев насчитывалось 7 %, коми-пермяков — 6 %, белорусов — 5 %, поляков — 4 %, татар — 3 %, немцев — 2 %, эстонцев — 1,5 %, евреев — 1 %. Представители других национальностей составили менее 1 % анализируемой совокупности³¹.

А. Б. Сулов приводит данные по социальному положению арестованных по политическим мотивам, среди которых 41 % относились к рабочим, 23,2 % — к служащим, 22,8 % — к крестьянам, 4,6 % — к военно-служащим, 4% записаны как лица без определенных занятий. Подавляющее большинство подследственных — это люди малообразованные. Среднее специальное образование среди них имели только 9 %, а высшее и неполное высшее — 4 %.

Впервые среди уральских исследователей А. Б. Сулов проводит количественный анализ, который дает возможность взглянуть на проблему политических репрессий под несколько новым углом зрения, отследить такие взаимозависимости различных факторов, которые в ином случае конструируются только умозрительно.

Так, например, он выявил, что социально-правовой статус различных категорий спецконтингента различался иногда весьма существенно. Казалось бы, эти различия должны прямо определять условия жизни и материальное положение разных групп заключенных. Однако в реальной жизни все было намного сложнее³². Заключенный в Советском Союзе обладал некоторыми правами. Однако, как замечает А. Б. Сулов, эти права в основном сводились к регламентации их жизнеобеспечения в местах лишения свободы. При этом официальные документы, отражающие статус заключенного, зачастую противоречили ведомственным инструкциям. При всем единообразии лагерных порядков жизнь в различных лагерях и лагподразделениях все же отличалась. В исправительно-трудовых колониях заключенные, как правило, чувствовали себя вольготнее, чем в лагерях. Для некоторых категорий заключенных вводились особые строгости в содержании. Он отмечает, что более жестко регламентировался правовой статус каторжников. Бараки для них запирались на ночь и отделялись от остальной зоны высоким забором. Устанавлива-

лась специальная рабочая одежда. На работу они сопровождалась под усиленным конвоем³³.

Многие авторы в своих работах освещают режим содержания заключенных. Л. А. Обухов отмечает, что их режим складывался постепенно и первое время мало отличался от дореволюционного, тем более что и кадры остались в основном прежние³⁴. Разрешались свидания с родственниками, предусматривался отпуск до двух недель, а на местах и более. Нормы питания во многом остались также старые, но часто не соблюдались. С введением разрядов мест заключения стали проявляться различия в режиме содержания. Суровые кары были установлены за побег: за первый побег следовало десятикратное увеличение срока; за второй — суд Ревтрибунала и наказание вплоть до расстрела. Для предупреждения побегов могла вводиться круговая порука. Режим содержания политических заключенных был более мягким, многое в нем сохранилось от царских времен.

По мнению А. Б. Сулова, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. политзаключенные, несмотря на пристрастное отношение к ним со стороны властей (по сравнению с уголовниками), содержались и работали по большей части вместе с остальными заключенными³⁵. Впоследствии осужденные по политическим статьям рассматривались как «социально опасный контингент» и содержались в отдельных секциях лагерей и колоний так же, как и подследственные.

Основываясь на архивных источниках, В. М. Кириллов указывает на то, что условия труда и быта различных категорий спецконтингента могли отличаться иногда весьма существенно. Главным объединяющим их фактором можно считать принудительный труд под эгидой НКВД³⁶.

Особую тему составляет характеристика условий труда и быта заключенных. Экономия на питании и обустройстве заключенных, по мнению А. Б. Сулова, позволяла сделать рабский труд относительно эффективным. При этом, естественно, не брался в расчет такой фактор, как быстрый «износ» рабочей силы и массовая гибель работников³⁷. Иногда заключенным помогало выживать попустительство охраны, которая преследовала свои корыстные цели. За небольшую мзду они разрешали нелегальные свидания заключенных с родственниками, приносили кое-что с воли и т. д. Новые сведения об этой неофициальной стороне существования заключенных и охранников в Усоллаге сообщает в своей монографии А. Б. Сулов. Низким был уровень медицинского обслуживания. Скучность медикаментов дополнялась недостатком и низкой квалификацией большей части медицинского персонала³⁸.

Стремление к нивелированию личности является одной из характерных черт тоталитарной системы. При этом для системы желательно, чтобы никто не мог ускользнуть из-под ее влияния, в том числе и временно

изолированные от общества заключенные. Одной из функций «исправительных» лагерей было социалистическое перевоспитание «оступившихся» путем трудовой деятельности. Этой проблеме уделяется много внимания в работе Сулова³⁹.

Не менее важным вопросом стала оценка роли принудительного труда в решении народно-хозяйственных проблем в 1920 — 1940-е гг. По мере накопления опыта применения принудительного труда на ОГПУ возлагается решение все более сложных хозяйственных задач. Заметим, что первые эксперименты в большинстве своем не были удачными, что в первую очередь можно объяснить распылением рабочей силы и другими просчетами в организации труда. М. Б. Смирнов, С. П. Сигачев и Д. В. Шкапов приводят веские аргументы в обоснование того, что попытки освоить крупные районы «штурмом» путем строительства сравнительно небольших объектов, дорог и лесозаготовок силами заключенных в Казахстане, на Дальнем Востоке, в районе Северной Двины, в Коми крае и т. д. фактически провалились⁴⁰. Однако указанные авторы не замечают успешного (если можно называть успешными эксперименты по использованию рабского труда) опыта ударного строительства Вишерского ЦБК.

Г. Я. Маламуд справедливо замечает, что в целом до начала 1930-х гг. эксплуатация труда заключенных не рассматривалась как важная хозяйственная задача. Разрабатываемые планы индустриализации страны поставили в повестку дня вопрос о перестройке системы мест заключения, с тем чтобы она стала не только самокупаемой, но и заняла весомое место в выполнении пятилетних планов. Автор обращает наше внимание на то, что, несмотря на массовый приток заключенных в 1937—1938 гг., это не способствовало росту экономики НКВД⁴¹.

Л. А. Обухов, изучая данную проблему, приходит к выводу, что лагеря ГУЛАГа не являлись «лагерями смерти», а были «истребительно-трудовыми»⁴². Поэтому, когда заболеваемость и смертность в лагерях достигали больших размеров, что сказывалось на выполнении производственных заданий, принимались соответствующие меры, вплоть до возбуждения уголовного дела. «Хозяйская» система эксплуатации заключенных, по мнению В. А. Шмырова, «совершенствовалась» непрерывно с целью максимальной отдачи при минимальных вложениях⁴³.

Г. Я. Маламуд обращает внимание на то, что основная часть колоний была контрагентской, т. е. поставляла рабочую силу из числа заключенных предприятиям и стройкам других ведомств. Наряду с лагерями специализированных управлений ГУЛАГа и контрагентскими колониями в производстве промышленной продукции участвовали промышленные ИТК, имевшие собственную производственную базу. Промышленность УИТЛиК Урала занималась лесозаготовками, мебельным производством,

деревообработкой, металлообработкой, швейным производством, производством стройматериалов, жиров, музыкальных инструментов, художественных изделий, лесохимическим производством. Однако доля промышленных ИТК в общем объеме валовой продукции Уральского экономического региона была невелика. В 1941 г. она составляла 0,7%⁴⁴.

Изучая работу ИТЛ в годы войны, В. М. Кириллов показал, что война коренным образом изменила существо и содержание промышленно-хозяйственной деятельности ГУЛАГа, который с первых военных дней переключился на выполнение заказов для нужд фронта. Главными направлениями деятельности стали обеспечение дешевой рабочей силой десятков предприятий военного производства, строительство объектов народного хозяйства. Именно здесь, за колючей проволокой, на костях узников сталинских лагерей строились металлургические заводы, возводились домны, маргеновские печи и коксовые батареи, осваивались таежные пространства Северного Урала, в кратчайшие сроки были построены десятки предприятий оборонной и топливно-энергетической промышленности⁴⁵.

По подсчетам С. Шевырина, промышленность ГУЛАГа охватывала 17 отраслей. 33,3 % выпускаемых промышленностью ГУЛАГа изделий приходились на товары широкого потребления. Ведущее место в промышленности ГУЛАГа занимали лесные лагеря⁴⁶. Заключенные занимались металлообработкой, деревообработкой, лесозаготовками, швейным производством, производством обуви, мебели, музыкальных инструментов. Работали по контрагентским договорам.

Г.Я. Маламуд, единственный из исследователей, обращается к теме подчинения ИТЛ, подчеркивая, что из двенадцати объектов Главпромстроя НКВД на Урале в 1940-х гг. действовали восемь. Это Бакалстрой (Челябметаллургстрой) — строительство Челябинского металлургического комбината, Базстрой — строительство Богословского алюминиевого завода, Поньшлаг — строительство Поньшской ГЭС, Соликамбумстрой — строительство Соликамского бумажного комбината, Черноисточинский ИТЛ, а также Тавдинлаг и Лобвинлаг. Общая численность заключенных на стройках Главпромстроя НКВД на Урале на 5 декабря 1942 г. составила 79 715 человек, т. е. 59,2 % общей численности заключенных в лагерях Главпромстроя по СССР, на 1 мая 1943 г. — 55 552 человека (73,2% от аналогичного показателя по СССР). Эти выводы автору позволяет сделать анализ архивных документов ГАРФа.

Всегда большой интерес у исследователей вызывает проблема оценки эффективности принудительного труда. В частности, А. Б. Сулов по этому вопросу отмечает, что для исторического исследования часто важнее не выявление соотношения результата с затратами, что соответствует определению эффективности в рамках экономической теории, а сравни-

тельная сторона: был ли принудительный труд эффективнее, чем труд вольнонаемных работников⁴⁷. Автор, опираясь на многочисленные архивные источники, проводит сравнительный анализ эффективности труда как сельскохозяйственных лагерей и колоний, так и лесозаготовительных работ заключенных и вольных работников. Подводя итоги, автор приходит к следующим выводам: во-первых, использование труда заключенных не влекло катастрофической потери эффективности производства⁴⁸. Во-вторых, понятие «труд» в этом случае использовалось не как экономический термин, соответственно и понятие эффективности наполнялось другими смыслами: в частности, было связано со специфическим восприятием эффективности политическим руководством страны. К этому вопросу неоднократно обращались Г. Я. Маламуд, В. М. Кириллов и другие, но в целом исчерпывающей оценки он не получил. В. М. Кириллов утверждает, что труд заключенных не стоил государству почти ничего, а приносил чистую прибыль⁴⁹.

Предметом отдельного исследования стали вопросы материального поощрения заключенных и организации так называемого социалистического соревнования с присуждением переходящего Красного Знамени и премий. Этот вопрос исследовал, в частности, В. Г. Киселев⁵⁰.

В заключение стоит еще раз подчеркнуть, что изучение истории исправительно-трудовых лагерей находится в российской историографии на начальном этапе. Начавшаяся в 1990-х гг. (в результате рассекретивания многих шокирующих архивных документов) разработка данной проблематики требует более глубокого и систематического анализа. Данному направлению был задан достаточно мощный импульс — за столь незначительный промежуток времени (с 1990 по 2005) уральские ученые добились немало успехов. Особо весомый вклад в изучение внесли такие исследователи, как Г. Я. Маламуд, В. М. Кириллов, А. Б. Суслов. Авторы используют разнообразный архивный материал. Тем не менее на настоящий момент пока отсутствуют комплексные исследования, которые бы охватили весь период становления, развития и ликвидации лагерей на Урале. Хотя необходимые предпосылки для этого уже имеются: накоплен обширный статистический и фактографический материал по истории отдельных лагерей и категорий репрессированных, изучены основные этапы эволюции лагерной системы и выделены их особенности.

Вместе с тем вне поля зрения исследователей остается ряд таких вопросов, как более тщательное и дифференцированное изучение жизнедеятельности и труда заключенных, их правовое положение; углубленного анализа требует роль политических заключенных, экономическая эффективность труда, вклад труда заключенных в экономику Урала и страны. Слабо освещены вопросы внутренней жизни ИТЛ, в частности деятельность по политическому воспитанию заключенных.

Несомненно, изучение исправительно-трудовых лагерей имеет широкие перспективы. С большой долей вероятности можно прогнозировать, что по мере открытия архивов и затихания политических страстей эта тема будет более интенсивно и углубленно изучаться. Однако те достижения и результаты, которые достигнуты в исторической науке к настоящему времени, вряд ли будут существенно пересмотрены. Следует ожидать, что следующий этап историографии будет связан с новыми фактографическими находками, дополнением существующих списков новыми, еще неизвестными именами и событиями. Это без сомнения позволит подняться на новый уровень обобщений и создать работы фундаментального плана, задача которых — воспроизвести с наибольшей полнотой события прошлого.

- ¹ См.: Кириллов В. М. Историография истории репрессий на Урале, 1918—1990 гг. // Власть и общество: Пробл. всеобщ. и отеч. истории. Н. Тагил, 1996. С. 67—84.
- ² См., в частности: Земсков В. Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социол. исследования. 1991. № 6—7.
- ³ Стецовский Ю. И. История советских репрессий. М., 1997. Т. 1—2.
- ⁴ См.: Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997.
- ⁵ См. также: Сулов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929—1953 гг.): Моногр. Екатеринбург; Пермь, 2003. *Он же*. К изучению пермских проверочно-фильтрационных лагерей // Политические репрессии в истории России: тез. науч.-практ. конф., Пермь, 2000. С. 89—92; *Он же*. К вопросу о подсчетах количества жертв политических репрессий в Пермской области (1929—1953 гг.) // Там же. С. 48—52; *Он же*. Навязывание социалистического отношения к труду в ГУЛАГе в сороковых годах // Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994. С. 117—120; *Он же*. Проблема эффективности принудительного труда в СССР (1929—1953 гг.) (на материалах Урала) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 85—97; *Он же*. Спецконтингент в Пермской области (1929—1953 гг.) // Годы террора. Пермь, 1998. С. 169—230.
- ⁶ См.: Маламуд Г. Я. Генезис системы принудительного труда в СССР и Уральском регионе (1920-е — 1930-е гг.) // История репрессий на Урале: Идеология, политика, практика, 1917—1980-е гг. Н. Тагил, 1997. С. 56—73; *Он же*. ГУЛАГ местного значения: (Исправит.-труд. колонии и лаготделения обл. и республ. подчинения на Урале в 1940 — начале 50-х гг.) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: csc.ac.ru/archeology/on-line.htm; Маламуд Г. Я. Лагеря НКВД на Урале в 1940 — начале 50-х гг. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: csc.ac.ru/archeology/on-line.htm.
- ⁷ См.: Сулов А. Б. Спецконтингент в Пермской области... С. 200.
- ⁸ См.: Шевырин С. ГУЛАГ на территории Пермской (Молотовской) области в годы Великой отечественной войны // I Астафьевские чтения (17—18 мая 2002). Пермь, 2003. С. 99—112.
- ⁹ Киселев В. Г. Влияние на личность условий труда и режима в Пермских исправительно-трудовых лагерях в 40—50-х гг. // Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994. С. 111—113.
- ¹⁰ Светлаков В. Г. Проблемы политических репрессий в объективе современности // Полит.

- репрессии в истории России: Тез. науч.-практ. конф. Пермь, 2000. С. 3—11. *Светлаков В. Г., М. Г. Суслов* Исторические корни репрессий 20—30-х годов в СССР // Там же. С. 43—45.
- ¹¹ *Суслов М. Г.* Репрессии в прошлом и будущем // Там же. С. 14—19.
- ¹² *Терехов В. С.* Политические репрессии инженерно-технической интеллигенции Урала в 1930-е годы // История репрессий на Урале: Идеология, политика, практика, 1917—1980-е гг. Н. Тагил, 1997. С. 164—176.
- ¹³ *Шабалин В.* «Вредители не всегда работали плохо» // Годы террора. Пермь, 1998. С. 109—116.
- ¹⁴ *Кириллов В. М.* Массовые репрессии в 1930-х гг. в Нижнем Тагиле // Книга памяти — посвящается тагильчанам жертвам политических репрессий 1917—80-х гг. Екатеринбург, 1994. С. 63—72.; *Он же.* Репрессированные в нижнетагильском регионе Урала (проблемы формирования банка данных) // История репрессий на Урале: Идеология, политика, практика. С. 21—28.; *Он же.* Советские немцы в ГУЛАГе // Жертвы репрессий Нижнего Тагила, 1920—1980 гг. Екатеринбург, 1999; *Он же.* Тагиллаг — лагеря смерти (1941—1953 гг.) // Книга памяти... С. 72—87.
- ¹⁵ *Обухов Л. А.* Из истории Широковлага в годы Отечественной войны // Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994. С. 108—111.
- ¹⁶ *Шмыров В.* К проблеме становления ГУЛАГа (Вишлаг) // Годы террора. С. 70—90.
- ¹⁷ *Шаламов В. Т.* Вишера: Антироман. М., 1989.
- ¹⁸ *Шмыров В. А.* К проблеме становления ГУЛАГа. С. 70—90.
- ¹⁹ Там же. С. 78.
- ²⁰ *Киселев В. Г.* Влияние на личность условий труда и режима в пермских исправительно-трудовых лагерях в 40—50-х гг. // Тоталитаризм и личность. С. 112.
- ²¹ *Маламуд Г. Я.* Генезис системы принудительного труда в СССР и Уральском регионе... С. 62.
- ²² *Маламуд Г. Я.* Там же. С. 69.
- ²³ *Шевырин С.* ГУЛАГ на территории Пермской (Молотовской) области в годы Великой отечественной войны // I Астафьевские чтения. С. 103.
- ²⁴ *Маламуд Г. Я.* Лагеря НКВД на Урале в 1940-х — начале 50-х годов [Электрон. ресурс.] Режим доступа: csc.ac.ru/archeology/on-line.htm
- ²⁵ *Суслов А. Б.* К вопросу о подсчетах количества жертв политических репрессий в Пермской области (1929—1953 гг.) // Политические репрессии в истории России: Тез. науч.-практ. конф., Пермь, 2000. С. 48.
- ²⁶ Там же. С. 50.
- ²⁷ *Киселев В. Г.* Влияние на личность условий труда и режима в пермских исправительно-трудовых лагерях в 40—50-х гг. // Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994. С. 113.
- ²⁸ *Маламуд Г. Я.* Генезис системы принудительного труда в СССР и Уральском регионе... С. 62.
- ²⁹ *Суслов А. Б.* Спецконтингент в Пермской области. С. 67.

- ³⁰ Суслов А. Б. К вопросу о подсчетах количества политических репрессий в Пермской области. С. 51.
- ³¹ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области. С. 72.
- ³² Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области. С. 183.
- ³³ Там же. С. 79.
- ³⁴ Обухов Л. А. Зарождение советской пенитенциарной системы // Тоталитаризм и сопротивление. Пермь, 1994. С. 7.
- ³⁵ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области. С. 70.
- ³⁶ Кириллов В. М. Тагиллаг — лагеря смерти. С. 75.
- ³⁷ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области. С. 184.
- ³⁸ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929—1953 гг.): Монография. Екатеринбург; Пермь, 2003. С. 86.
- ³⁹ Суслов А. Б. Навязывание социалистического отношения к труду в ГУЛАГе в сороковых годах // Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994. С. 117.
- ⁴⁰ Смирнов М. Б., Сигачев С. П., Шкапов Д. В. Система мест заключения в СССР, 1929—1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923—1960: Справ. М., 1998. С. 28—29.
- ⁴¹ Маламуд Г. Я. Генезис системы принудительного труда в СССР и Уральском регионе... С. 62.
- ⁴² Обухов Л. А. Из истории Широковлага в годы Отечественной войны // Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994. С. 108.
- ⁴³ Шмыров В. К проблеме становления ГУЛАГа (Вишлаг) // Годы террора. Пермь, 1998. С. 78.
- ⁴⁴ Маламуд Г. Я. ГУЛАГ местного значения...
- ⁴⁵ Кириллов В. М. Тагиллаг — лагеря смерти. С. 73.
- ⁴⁶ Шевырин С. ГУЛАГ на территории Пермской (Молотовской) области в годы Великой отечественной войны. С. 99.
- ⁴⁷ Суслов А. Б. Проблемы эффективности принудительного труда в СССР (1929—1953 гг.) (на материалах Урала) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 92.
- ⁴⁸ Там же. С. 87.
- ⁴⁹ Кириллов В. М. Тагиллаг — лагеря смерти. С. 85.
- ⁵⁰ Киселев В. Г. Влияние на личность условий труда и режима... С. 113.